
АГАГЕЛЬДЫ АЛЛАНАЗАРОВ

НОВЕЛЛЫ

АШХАБАД – 2010

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

В самый канун Нового года Овез, мастер геофизической экспедиции, ведущей геологоразведочные работы в недрах Каракумов, неожиданно получил от живущей в Ашхабаде сестры срочное сообщение. Сестра писала: «Братишка, наконец-то наши усилия увенчались успехом, мы нашли тебе достойную невесту. Постарайся приехать к новогоднему вечеру. Мы хотим, чтобы этот Новый год вы встречали вдвоем. Скромная, приветливая, симпатичная. Тебе она понравится».

Волнение и предчувствие чего-то хорошего охватило Овеза. Хотя всего несколько минут назад у него не было ни желания, ни стремления куда-то ехать.

Новый год он собирался праздновать здесь, среди своих товарищей по работе.

И вообще, он намеревался провести этот вечер у телевизора. Антенну для приема спутниковых каналов смастерил сам, несколько дней сваривал длинные трубы. На самый верх подставки он прикрепил собственноручно изготовленную жестяную тарелку. Вчера ему удалось настроить каналы спутникового телевидения, и геологи ужинали перед включенным телевизором.

Буквально за час до получения сообщения машина геологов отправилась в ближайший поселок, чтобы закупить продукты для новогоднего вечера. Если бы сообщение пришло чутьку раньше, Овез мог бы поехать на станцию на ней. Но что теперь говорить, в экспедиции нет другой машины, которая могла бы отвезти Овеза на железнодорожную станцию, что находилась километрах в десяти-пятнадцати отсюда. Кто знает, когда теперь вернется отъехавшая машина? В

экспедиции вахтовым методом работали две смены геологов. Менялись они через пятнадцать дней. Десять дней назад коллеги Овеза сдали вахту и разъехались по домам. Они проведут Новый год в кругу семьи и только после праздника вернуться на работу. Овез был холост, дома его никто не ждал, потому он и не стремился уезжать вместе со всеми, оставался в экспедиции. В свои выходные дни при желании он мог прогуляться по окрестным пескам, а если машина отправлялась в поселок, мог вместе с другими прокатиться на ней. По необходимости помогал рабочим, и потому даже заметить не успевал, как пролетали пятнадцать дней его законного отдыха. А если серьезно, то с тех пор, как он развелся с женой, то есть уже почти два года, его совсем не тянуло в Ашхабад. Не тянуло, потому что его не покидало неприятное чувство, что там, дома, может повториться его прежняя разлаженная жизнь.

Не глядя по сторонам и не теряя времени, шел он быстрым шагом напрямую через пески, торопясь поскорее добраться до железнодорожной станции. Сейчас все его мысли были заняты тем, чтобы поспеть на ашхабадский поезд и сесть в него. Он не знал точного расписания движения поездов, не знал, когда поезд прибывает на эту станцию, хотя и надеялся, что, прибавив шаг, обязательно успеет к его прибытию.

Овез был крепким молодым мужчиной выше среднего роста. И хотя он считал, что волны жизни уже прибили его к берегу, ему не было еще и тридцати. Наспех собрав вещи в рюкзак, закинул его за спину, и теперь он горбом болтался на его спине. На ногах у него были рабочие сапоги, которые были ему немного великоваты и потому издавали хлюпающий звук. Хорошую обувь, которую надевал только в дни отдыха, Овез аккуратно завернул и положил в рюкзак, чтобы переобуться после отправления поезда.

Несмотря на то, что все вокруг напоминало о наступившей зиме, погода не была холодной. И вообще, последние года

два зимы были бесснежными, хотя прежде на Новый год долгожданный снег выпадал обязательно. Но люди все равно не теряли надежды, они жаловались на плохую погоду, но в то же время и мечтали: «Что-то климат стал меняться. Разве на Новый год не должен выпадать снег и накрывать землю белым покрывалом? Должен, должен пойти снег».

Вот и в этом году с приходом зимы воздух стал холоднее, прошло несколько дождей, а снега все не было. Но парню почему-то казалось, что на этот раз Новый год обязательно все вокруг оденет в белоснежный наряд.

Вчера набежали тучи и закрыли небо черной кошмой, чувствовалось, что с тех пор погода, словно что-то задумав, крепко стиснула зубы и, хмурясь, начала понемногу напрягаться.

Собираясь в дорогу, парень посмотрел на погоду и стал мечтать: «Хоть бы к Новому году пошел снег, чтобы и небо, и земля побелели, чтобы все вокруг обновилось. Но пусть только снег пойдет после того, как я сяду в поезд, чтобы подумали, что это я привез с собою в Ашхабад снег».

Не обращая внимания ни на окружающие его холмы, ни на создавшиеся между ними и погруженные сейчас в тишину редкие затемненные балки, ни на растущие тут и там и обращенные к небу в ожидании влаги джейраньи чаши, он безостановочно шел к цели. Сейчас Овез думал лишь о том, как приедет в Ашхабад, привезя с собой падающие хлопья снега, как будет хрустеть под его ногами снежный наст, когда он пойдет гулять вместе с новой знакомой, которую сестра прочит ему в невесты.

Несмотря на холодную погоду, от быстрого шага парень взмок, и его рубашка в нескольких местах спереди и сзади намочила и стала прилипать к телу. От него исходил легкий пар, однако он все равно не сбавил шаг.

Спустя некоторое время легкий ветерок, дуновение которого было похоже на поглаживание тела, донес откуда-то острый

запах кизяка, смешанный с запахом овечьей шерсти. И тотчас же на вершине ближнего холма, похожего по форме на пупок, показалась отара овец, которая вначале паслась на той стороне холма, а сейчас переваливалась на его солнечную сторону. Овез, скорее всего, был знаком с чабаном и подпаском этой отары, потому что геологи знали всех здешних пастухов и поддерживали с ними добрые отношения. Он видел чабана совсем недалеко от себя, видел, как тот шел, пристроив на боку пояса чабанскую палку и держась за оба ее конца. Сейчас этот человек напоминал птицу, расправившую крылья для полета. Овез не стал заострять свое внимание на встреченном чабане, хотя и нет ничего лучшего, как встретить в пустыне другого человека именно тогда, когда особенно остро ощущаешь свое одиночество, встретить и пообщаться с ним, чтобы снова испытать чувство своей причастности к человеческому сообществу.

Сейчас у него просто не было времени даже для такого удовольствия. Ему казалось, что поезд, на который он так сейчас спешит, несется на всех парах, как легендарный Боздуман Косе, скоро он появится за поворотом и вот-вот прибьет на станцию.

Вместе с мыслями о новой невесте он с благодарностью думал о сестре и зяте, которые всем сердцем переживали за него и так беспокоились об устройстве его жизни. Еще не видя будущей невесты, в мыслях своих он уже выстроил ее образ и увидел ее именно такой, которая могла понравиться ему: в меру упитанной, росту выше среднего, со смущенной улыбкой на симпатичном лице.

Он представлял, как, потупив взгляд, смотрит она на него, и видел в ее глазах любопытство и жадный интерес к своей личности. Представлял, с каким удовольствием он встретит Новый год с новой невестой. Овез уже очень давно не испытывал таких приятных чувств.

И потом, каждый раз приближение Нового года будило

в людях какие-то особые мечты и желания, преддверие праздника поднимало настроение. И именно в канун Нового года человек особенно остро испытывает чувство одиночества, не находит себе места. Когда его товарищи отправлялись на отдых домой, Овез, боясь одиночества, не ездил в Ашхабад, оставался в экспедиции. Вот ведь в какие сумасшедшие игры играет с человеком жизнь! Но сегодня молодой человек, охваченный предчувствием каких-то волнующих перемен, испытывая притяжение той, которую еще даже не видел, на крыльях летел к заветной цели.

Но, как ни предавался мечтам парень, как ни летел на крыльях любви, на поезд опоздал все равно. Поднявшись на пригорок, откуда до станции было уже рукой подать, он увидел лишь хвостовой вагон удаляющегося поезда. Вон он мчится вдаль, набирая скорость, как жеребец, которому под хвост вожжа попала. Все усилия Овеза оказались напрасными, он был в отчаянии. Остановился, как вкопанный, вытер со лба пот, сбросил со спины рюкзак и перевесил его на плечо, а потом резко сел, как собака, встретившая более сильного врага. Он еще больше расстроился, когда подумал о том, что поезда здесь проходят очень редко. Отирая пот, прикусил губу, жалея о том, что не вышел из дома хотя бы на пятнадцать минут, на полчаса раньше. А поезд, оставивший парня ни с чем, вскоре и вовсе скрылся за поворотом.

Он давно знал, что на этой железнодорожной станции трудится казахская семья. Не раз видел и старика, встречающего и провожающего поезда с фонарем и разноцветными флажками в руках.

"А может, быть найдётся другая возможность, – подумал

* Косе-герой героического эпоса «Гёроглы»

Овез, и эта мысль немного воодушевила его и придала сил.

Подходя к станции, он заметил выходящую из помещения кассы молодую женщину в форме железнодорожника. Увидев опоздавшего пассажира, она постояла немного, недоуменно разглядывая его, после чего удивленно спросила:

- К поезду пришел?

- Да.

- Но он только что отошел! – женщина, то снимая, то надевая на голову форменную фуражку, всем своим видом показывала озабоченность. Посмотрела в ту сторону, куда уехал поезд.

Вид у женщины был сочувствующий. Запоздалый пассажир, повернувшись боком, незаметно для нее разглядывал женщину.

Женщина была среднего роста, полнотелая. Облегающая фигуру форма сидела на ней ладно и была ей к лицу.

Ветер, впитавший все запахи окружающих просторов, доносил запах степных растений, смешанный с прелым запахом железнодорожных шпал. В смеси этих запахов явственно ощущался и дух снега.

Какой мужчина, а тем более неженатый, пропустит мимо своих глаз женщину? Стоявшая перед ним молодая женщина понравилась Овезу. "Она, однако, недурна. Приласкать бы ее", – мечтательно подумал он. А заодно стал мечтать о том, чтобы женщина, ожидающая его в Ашхабаде, оказалась похожей на эту.

- Ты, наверно, из геологов? – первой заговорила женщина, обращаясь к парню, который все еще стоял с видом человека, ищущего виноватых в своем опоздании на поезд.

- Да, из них. Получил известие из Ашхабада, просили приехать...

- Но если ты геолог, должен знать расписание движения поездов. Ваши у меня спрашивали, и с собой забрали расписание...- сочувствуя стоявшему перед ней молодому мужчине, женщина, сама того не замечая, повысила голос.

- А когда теперь будет следующий поезд?

- Не скоро. Раньше завтрашнего утра не жди здесь пассажирского поезда. Есть еще грузовые составы, но только один из них делает здесь остановку, все остальные безостановочно проносятся мимо. Да и тот один прибывает не раньше одиннадцати. Можно, конечно, поговорить с его машинистами, чтобы они взяли с собой в кабину одного человека. Если машинист хороший человек, с ним можно договориться. Но встречаются и те, кто ответит, какотрежет: "Не положено!"

Некоторое время парень стоял с растерянным видом, не зная, какими должны быть его дальнейшие действия. Подперев правой ладонью подбородок и сузив глаза, он раздумывал, что же ему теперь делать. Удрученно подумал, что поблизости нет даже автотрассы. А подумав о том, что здесь, кроме небольшого вокзального помещения, и отдохнуть-то негде, переждать время, и вовсе расстроился. Да и его сейчас эта казашка заперла и собирается идти домой. И что теперь, назад идти? Не в двух же шагах стоянка геологов. Овез вдруг понял, что, как бы там ни было, возвращаться обратно ему совсем не хочется.

Он посмотрел на женщину, давая ей понять, что хочет еще о чем-то спросить. Постарался по возможности подойти к создавшейся ситуации с другой стороны.

Было видно, что и женщина, почувствовав на себе оценивающий взгляд мужчины, заволновалась и смущенно опустила глаза. Когда еще в этих местах появлялся мужчина, который бы разглядывал ее с таким интересом?

- Келиншек!- чтобы было понятнее, мужчина заговорил, вставляя в свою речь известные ему казахские слова. – А что, если я подожду следующего поезда здесь, на вокзале? Женщина не сразу нашлась, что ответить на этот неожиданный вопрос. Она переводила взгляд то на здание вокзала, то на лицо мужчины.

Не успела она додумать свою мысль, как Овез заговорил снова, тон у него был полушутливо-полусерьезный. На усмотрение женщины: пусть примет тот, который ей больше по душе.

- Но я не стану возражать, если вы пригласите меня домой и позволите переждать время в теплом месте. Иначе куда мне деваться? Вон уже и снежинки посыпались, – произнес он, оглядываясь по сторонам.

На этом полустанке жили две-три казахские семьи. У них был свой интерес, потому что вокруг было много нетронутых пастбищ для выпаса скота, и они выгоняли туда своих собственных овец. Женщина принадлежала к одной из этих семей и с недавних пор работала на станции, придя на смену своему постаревшему отцу.

Женщина кинула быстрый взгляд на незнакомого мужчину, так неумело попытавшегося шутить, но отвечать не спешила. В свою очередь и Овез думал о том, что женщина, скорее всего, не решается привести домой незнакомого мужчину, не знает, как на это посмотрит ее муж и что ему ответить, если тот спросит, кого она привела с собой. Но женщина неожиданно проявила решимость. Вежливо улыбнувшись, сказала:

- Тогда пойдемте, у нас и подождете!

Такого ответа Овез совсем не ожидал, он лишь успел заметить, как вспыхнули румянцем щеки женщины, когда та приглашала его домой. Теперь она и вовсе стала для него загадкой.

К этому времени нависшие над головой тучи стали совсем темными, а воздух обжигающе холодным, казалось, что где-то рядом затаился невидимый глазу гигантский лютый зверь, готовый в любую минуту наброситься на тебя. Сумерки стгустились, и постепенно начало темнеть.

После этого Овезу, шутка которого обернулась серьезным предложением, не оставалось ничего другого, как

последовать за женщиной, хотя идти в незнакомый дом ему было неудобно.

Когда дочь вернулась с незнакомым мужчиной, хозяйка дома, пожилая женщина, была занята приготовлением праздничного ужина. Она уже поставила варить мясо для бешбармака в отдельном казане и сейчас замешивала тесто для дальнейшего приготовления этого блюда. Мать знала, что дочь скоро вернется с работы, и ждала ее, чтобы она помогла ей на кухне. Правда, та в последнее время подолгу задерживалась на работе, не спешила в опостылевший ей дом. Когда мать спрашивала ее, отчего она так задержалась, коротко и неохотно отвечала: "Работы было много". Да и на работу старалась уйти пораньше, бежала из этого дома.

Женщина начала работать на железной дороге совсем недавно. Устроив на свое место дочь, которая хорошо знала его работу и с самого раннего детства постоянно помогала ему, старик успокоился. Пару лет назад девушку выдали замуж за парня, в котором ее родители увидели будущего зятя, и хотя до того они не встречались, дочь согласилась в надежде, что со временем привыкнет к нему и, может, даже полюбит. Однако ни дочери, ни родителей надежды не оправдались. Уехавший на учебу в Алматы юноша не приезжал на каникулы ни разу. А год назад Кенжекей получила от него последнее письмо, которое лишило ее последней надежды. Муж писал ей: "Кенжеке, ты хороший человек, настоящая жена казах, посвятившего жизнь железной дороге. Меня же такая перспектива не радует, не знаю почему, но меня и к тебе в такой жизни не тянет. Не жди меня, Кенжеке! Будь счастлива!" И вот с тех пор ее жизнь утратила всякие краски, она жила скучно, неинтересно, безо всяких желаний. Старики сильно переживали за свою единственную дочь, с которой так жестоко обошлась судьба, им было больно видеть ее страдания. "Ты, дочка, тоже поезжай в город, поступи на учебу!" - советовали они

ей в надежде, что в городе она повстречает свою настоящую половинку. Больше всего за Кенжеке переживала мать, она не могла видеть, как страдает ее дочь от одиночества, временами, когда дома никого не было, давала волю слезам и молила Бога помочь ее дочери. Сейчас она по привычке готовилась к встрече Нового года, хотя и знала, что в доме не будет шумного застолья, праздничного настроения, что, быстренько поев, дочь уйдет в свою комнату и ляжет спать пораньше. Мать с теплотой вспоминала веселые новогодние праздники, которые они устраивали для маленькой дочери, и думала о том, как все изменилось в последние годы.

Когда скрипнула входная дверь, и послышались какие-то голоса, женщина оторвалась от своего занятия и посмотрела в ту сторону. Она увидела дочь, вошедшую с каким-то мужчиной. Еще не разглядев его толком, мать вдруг почувствовала, что дочь привела с собой в дом собственную судьбу. "Наконец-то!" - подумала про себя женщина и, облегченно вздохнув, машинально вытерла ладонью пот со лба. Мужчина остановился и смущенно поздоровался с женщиной в белом платке. Ответив на приветствие, женщина стала с каким-то особым интересом пристально вглядываться в незнакомца, пытаясь увидеть в нем что-то такое, что должно стать ответом на ее неожиданно возникшие мысли. На помощь пришла Кенжеке.

- Шеше, я гостя привела!

- Гость – судьба, проходите!

- Он один из работающих неподалеку геологоразведчиков. Опоздал на поезд.

- Ах, как жаль! – старая мать и в самом деле искренне пожалела парня.

- Вот я и предложила ему побыть у нас до прихода следующего поезда.

- Правильно сделала. Проходите в дом. Отец разделал для меня мясо и ушел проведать скотину. Должен скоро

вернуться.

- Снег пошел.

- Тогда он тем более не задержится на дворе, загонит скотину под крышу. Ты проводи гостя в свою комнату и предложи ему пиалу чая... Кстати, я и новогодний сачак (дастархан) расстелила в твоей комнате, она просторнее.

Эти слова она произнесла так, словно хотела сказать, что мать ожидала появления нового человека в доме. "Хорошо сделала",— ответила Кенжеке и проследовала с гостем в свою комнату.

Потом все было так, как бывает в доме, принимающем гостей. После появления Овеза, настроение молодой женщины заметно изменилось в лучшую сторону, лицо стало приветливым, а речь ласковой. Усадив гостя, женщина вышла, чтобы переодеться. Форму железнодорожника она сменила на красившее ее длинное платье, голову повязала красивым шелковым платком. Когда она вернулась, Овез не узнал Кенжеке, так она похорошела! Она угостила Овеза чаем с молоком. По обычаю, казахские женщины должны наливать этот чай собственноручно, иначе пропадает очарование самой этой чайной церемонии. Разлив чай по пиалам, Кенжеке подумала о том, что они даже не представились друг другу. Слегка наклонив голову, произнесла со смущенной улыбкой:

- Меня зовут Кенжекей, а тебя как?

"Кенжекей, Кенжекей", — произнес про себя Овез, и у него тут же родилась озорная мысль: "У туркмен есть похожее словосочетание "Кемже-кердем". Подумав немного, назвался:

- Овез.

- Имя Овез и у казахов достаточно распространенное.

На какое-то время женщина задумалась над тем, что означает имя Овез. Потом произнесла:

- У нас имя Овез чаще всего дают детям в память о ком-то

ушедшем, на чье место пришел новорожденный.

- Кажется, и у нас это так,- размягченным от выпитого чая голосом ответил Овез. Он старался не показывать виду, хотя в душе и корил себя, что до сего дня не удосужился поинтересоваться происхождением своего имени. Но Кенжекей, погруженная в свои раздумья, ничего не заметила.

- А я почему-то подумала, что тебя зовут Гарлы. Ведь с твоим появлением снег пошел!

Овез уловил в словах женщины едва ощутимую иронию.

За чаем, чтобы не молчать, Овез стал рассказывать о работе геофизической экспедиции, стоящей в десяти-пятнадцати километрах отсюда. Сообщил, что они вот уже два года ведут разведку этих мест. Выслушав его, Кенжекей спросила:

- И что, вы до сих пор не нашли того, что ищете? – и многозначительно улыбнулась.

- А вы как думали, разве легко найти то, что ищешь?! – в тон ей ответил и Овез, сразу же уловив в словах женщины потаенный смысл. Он увидел, что его собеседница по-своему поняла его слова, от смущения на лице женщины выступили алые пятна.

Посидев рядом с Овезом и пообщавшись с ним, Кенжекей вдруг поймала себя на мысли, что почувствовала себя замужней женщиной, что ей хорошо рядом с этим незнакомым мужчиной. От этих мыслей женщине стало не по себе и она, пытаясь скрыть свое замешательство, встала с места со словами:

- Пойду, помогу маме с ужином. – Она ушла в соседнюю комнату, и Овез на некоторое время остался один на один с телевизором.

Вспомнив разговор с молодой женщиной, Овез подумал: "Казахские женщины очень остроумны. Вот и эта обладает хорошим чувством юмора".

Обычно месяца за два до прихода Нового года, с которым

люди связывали свои надежды на лучшие перемены, начинает меняться погода. Набегают тучи, ущелья теряются в дымке тумана, земля покрывается инеем и с удовольствием отдает накопленные плоды. Именно в это время у людей появляются мысли о предстоящем Новом годе, о связанных с его приходом радостях. Время от времени они перебирают в памяти имена людей, которых хотели бы видеть за праздничным новогодним столом.

Очень скоро через некоторый промежуток времени на пороге, отряхивая с плеч и шапки, с сапог налипший снег и что-то бормоча, появился долгожданный старик.

- Вон сколько снега уже выпало, а он все валит и валит! – стоя у порога, он снял с головы сплюснутую папаху. Затем стал стряхивать снег с телогрейки, в которую был одет. – Года два на Новый год не было снега, так в этом году он решил взять реванш! Вон какие хлопья снега кружат в воздухе и падают на землю...-бормотал старик.

Он вдруг заметил аккуратно поставленную у порога незнакомую пару сапог. Обрадовался.

- Уж не Тумен ли к нам приехал? – назвал он имя одного из родственников, предположив, что только он мог в такой день оказаться у них.

Кенжекей подошла слушаясь к отцу и помогла повесить на крючок снятую отцом телогрейку.

- Ата, у нас гость! – сообщила она.

- Гость – посланник Бога. Наверно, кто-то из тех, кто опоздал на поезд?

- Да, опоздавший пассажир.

Старик не обратил внимания на то, как покраснела его дочь при этих словах.

Посчитав снегопад предзнаменованием чего-то хорошего, а гостя, пришедшего в дом в такой снежный день, посланником Бога, старик очень прохудившейся обрадовался.

Протянув обе руки, он приветливо поздоровался с гостем,

стараясь по виду определить, что он за человек. Овез чувствовал себя неловко оттого, что в этот дом его привела женщина, но ему понравилась добросердечность старика. У хозяина дома было спокойное и открытое круглое лицо, спокойный и умный взгляд. В доме было тепло и уютно. Старик расположился рядом с гостем и только приступил к разговору, как сзади него раздался звук внезапно упавших капель. Старик вдруг вспомнил худой крыше дома «Вот, значит, когда она дала о себе знать» Подняв голову, старик увидел, что потолок усыпан влажными бисеринками, которые, сливаясь друг с другом, образовывали небольшие капли и одна за другой падали вниз. От вида протекающей крыши у старика резко упало настроение. Только сейчас он вспомнил о том, что еще в прошлом году, когда также начала течь крыша, он собирался найти человека и обновить прохудившиеся листы шифера. Сейчас он укорял себя в том, что по забывчивости своевременно не позаботился о ремонте. Было понятно, что снег не только идет, но при плюсовой температуре воздуха сразу тает.

Вскоре падающие с потолка капли успел образовать на полу приличную лужу и намочить часть расстеленного ковра. Увидев это, старик стал звать дочь:

- Кенжекей, иди сюда, дочка! Захвати с собой таз и тряпку. Снег начал таять и устроил нам потоп!

Кенжекей отзывалось на зов отца и вскоре принесла тазик и тряпку. Попросив мужчин отодвинуть в сторонку расстеленный в центре комнаты сачак (дастархан), быстренько собрала тряпкой воду с пола. Тщательно вытерев пол, она подставила тазик и, чтобы звук падающих капель не раздражал, застелила его изнутри хорошо отжатой тряпкой. И только после этого стала кормить родных и гостя.

Овез вдруг заметил, как красиво уложены черные, как смоль, косы женщины. Длинное платье с глубоким вырезом делало ее особенно нарядной. От внимания гостя не ускользнуло и

то, с каким вожделением смотрит на него молодая женщина, и как у нее при этом горят глаза. Вначале Кенжекей думала, что интерес мужчины, при любом удобном случае разглядывавшего ее, спровоцирован несколькими рюмками водки, которую он выпил, чокаясь с ее отцом. Она не знала, что отец, воспользовавшись удобным моментом, когда рядом не было женщин, рассказал гостю о неустроенной жизни дочери, брошенной мужем-негодяем. Старик поделился с гостем своими переживаниями за единственную и любимую дочь, которой он желал судьбы.

Женщина видела, с каким интересом разглядывает ее мужчина, но не могла понять, шутит он или всерьез заинтересовался ею. Да и ее собственное состояние сейчас было не лучше, чем у Овеза. Ухаживая за понравившемся ей гостем, она с горечью думала о том, что совсем скоро ему надо будет уезжать, и он покинет этот дом. Не приведи Господи никому провести новогоднюю ночь в одиночестве! Саппетитомсьевпраздничныйужининаходясьвприподнятом настроении, старик через какое-то время вытер салфеткой пот со лба и с удовольствием взял в руки домбру. Как только он заиграл на ней, атмосфера в комнате переменилась, как будто стали рассеиваться и уходить сгустившиеся тучи. Мысленному взору празднующих предстала картина: по бескрайним казахским степям гарцуют всадники, слышен цокот конских копыт. Эта мелодия подняла настроение и напомнила Кенжекей веселые любовные игры казахов, когда юноша и девушка верхом на коне догоняют друг друга со словами: "Если догонишь, получишь поцелуй!" Она представила себя в роли той девушки, кокетливо бегущей от юноши, чтобы не позволить ему поцеловать ее, а Овеза на месте того самого догоняющего юноши, и в ту же минуту устыдилась своих тайных мыслей, словно кто-то мог прочитать их, смущенно опустила голову. Сейчас все находились под впечатлением от прозвучавшей музыки.

После этого старик, уставившись в потолок, будто пытаясь что-то отыскать на нем, обливаясь потом, запел своим хриплым голосом. Отодвинувшись от сачака, Овез слушал музыку, предаваясь своим грустным мыслям.

Температура воздуха в комнате заметно накалялась, зато на улице мороз стал крепчать, потому что с потолка стало капать все реже а потом и вовсе прекратилось. Видно, снег на крыше застыл и перестал таять. Да и капли падали в стороне от людей, поэтому на этот звук попросту никто не обращал внимания.

Собравшиеся за праздничным столом песнями и музыкой проводили старый год, с которым они прощались навсегда. С грустью подумалось: вот и этот год промчался мимо, как промчался мимо них тот поезд, на который не поспел Овез. У стариков уже давно слипались глаза, но они мужественно досидели до полуночи и под звуки телевизора с самыми добрыми пожеланиями и надеждами встретили ашхабадский Новый год. Поздравили друг друга.

- Вы, конечно, еще и московский Новый год будете встречать, а мы устали и хотим спать. Пожалуй, мы пойдем, а вы, молодые, посидите еще.

Оставив молодых наедине, старики отправились в свою комнату. Поднимаясь, старик вдруг вспомнил, что парню предстоит уезжать утренним поездом. И тогда он сказал вставшему вслед за ним Овезу:

- Сынок, счастливого тебе пути и будь здоров!

Про себя же подумал: "Вот тебя-то, сынок, и не хватает нашему дому! Не помню, когда я в последний раз так хорошо встречал Новый год!"

- И вам того же! – прощаясь со стариком, пожелал Овез. Он был благодарен этим людям, которые так тепло принимали его в своем доме, и всем своим видом показывал это.

- Коли ты геолог, да еще работаешь неподалеку отсюда, если будет по пути, заглядывай к нам иногда. Вспомни старого

казаха и приходи. Ты мне очень понравился.

Проводив мать до места, Кенжекей вернулась за отцом и увидела, как они с Овезом, словно два собутыльника, которые никак не могут расстаться, все еще прощаются друг с другом. Поправив на голове платок, женщина кинула взгляд на отца и гостя. Радуюсь тому, что увидела, понимающе улыбнулась. Подошла к телевизору, во всю мощь изрыгавшему праздничные шумы, и убавила звук.

Прихватив отцовскую домбру и идя рядом с ним, она проводила его до спальни. Вернувшись, увидела, что Овез сидит на том же месте в глубокой задумчивости. Когда Кенжекей присела, он, тяжело вздохнув, произнес: "Как хорошо, когда есть родители!" Видно, он вспомнил своих рано ушедших из жизни родителей. Кенжекей устроилась на мягкой подстилке отца рядом с Овезом, мило улыбнулась ему и стала предлагать гостю угощаться тем, что выставлено на праздничном сачаке.

- Вы бы еще что-нибудь поели, гость!

- Да сколько же можно есть?! Я уже объелся, все так вкусно было!

Посмотрев на пустую бутылку из-под водки, Кенжекей налила в пиалу чая и протянула гостю.

- Тогда выпей пиалу чая!

- Вот это совсем другой разговор. Чай – это хорошо! – Овез принял из рук молодой хозяйки протянутую ему пиалу с чаем.

Подавая пиалу, женщина ощутила на своем лице теплое дыхание парня. Исходящий от мужчины жар разволновал женщину, лишил ее покоя. Сердце бешено заколотилось в груди Кенжекей, во рту пересохло, как у человека, объевшегося рыбы. Она изо всех сил старалась не показывать виду, боялась, что гость может догадаться о вспыхнувшем в ней желании. Опустошив пиалу, Овез взглядом охотника посмотрел на женщину и снова протянул ей пиалу:

- Очень хороший чай получился. Налей-ка мне еще одну пиалу! – Он оценивающе посмотрел на женщину, пытаясь понять, как она отреагирует на его шутку. – Если ты умеешь готовить такие вкусные блюда, да еще такой чудесный чай заваривать, я и вовсе не уйду от вас!

Неожиданно у женщины, с улыбкой на лице слушавшей гостя и наливавшей ему чай, ответ оказался готовым:

- А кто тебя гонит?!

Для Овеза этот ответ прозвучал не просто как набор слов, он услышал в нем голос истосковавшегося по мужской ласке женского сердца. Он тоже почувствовал, что сейчас Кенжекей думает о нем, желает его. Забыв обо всем на свете, схватил женщину за руку и с силой привлек ее к себе...

Некоторое время спустя женщина, о чем-то вспомнив, осторожно высвободилась из объятий мужчины, сняла со стены часы, при каждом взгляде на них напоминавшие парню о приближавшемся времени отъезда, и отнесла их в соседнюю комнату.

А в это время москвичи, уже встретившие Новый год, шумно и весело праздновали его по телевизору, поздравляя друг друга с Новым годом – новым счастьем.

* * *

Снег, выпавший в новогоднюю ночь, пролежал два дня и растаял, после чего земля вернула себе прежний облик. В один из таких дней машина геологов привезла на станцию людей, отработавших смену. И здесь они увидели своего коллегу Овеза, уехавшего в Ашхабад на встречу Нового года. Овез сидел на крыше дома казаха-железнодорожника и приводил ее в порядок, а какая-то милая женщина помогала ему, подавая снизу необходимые инструменты.

БРАТ

В те дни я с головой ушел в игры со своими сверстниками. Не знаю, может, оттого, что наши игры носили состязательный характер, нам они казались особенно интересными. Сидя дома, бабушка по нескольку раз на дню окликает меня, чтобы отругать:

— Куда ты опять собрался? — Уши у моей бабушки как локаторы, небось уже услышала цокот копыт моего ишака.

— Свою ишака на водопой.

— Да разве ж осенью ишак пьет по два-три раза на дню?

Честно говоря, мне самому не очень-то и интересно, пьет ишак воду или нет.

Мы с ребятами только что договорились устроить на песчаной дороге ослиные скачки. А напоить ишака водой — это только повод, чтобы вырваться из дома. Хотя коровник чищу я, овец кормлю-пою я, и «мамин помощник» тоже я... И все равно моей бабушке не нравится, когда я то и дело увожу своего ишака и, считая его легендарным конем Гыратом из эпоса о Героглы, ношусь на нем, загоняя животное до полусмерти.

И потом, в доме я не единственный мальчик, есть в доме и еще один прилипала по имени Бабагельды, мой младший брат, которому на днях исполнится шесть лет.

Ему ни до кого, кроме меня, дела нет. Стоит ему увидеть, что я куда-то засобирался, как он тут же увяжется за тобой: «И я». Ну просто настоящая собачонка, которая ни на шаг тебя не отпускает, всюду за тобой таскается. И не дай бог сказать, чтобы оностался, так ведь такой рев устроит, что мало не покажется! Услышав его плач, какбудто его кто пилой на части разрезает, мама и бабушка выскакивают и начинают

с двух сторон допытываться: «Что с тобой, детка?!» А мой братишка, заливаясь слеза-ми, жалуется:

— Он не берет меня с собой...

Тогда бабушка начинает уговаривать меня по-хорошему:

— Сынок, ты ведь умный мальчик. Он же твой младший братишка. Пусть с тобой поиграет. Если ты старший, ты должен и с младшим тоже играть...

— Но он ведь не умеет играть...

— Научишь, сынок...

В этот момент я вспоминаю, что нельзя заставлять бабушку долго уговаривать себя. Иначе она может рассердиться и сказать: «А ну, если не хотите играть вместе, чтобы оба ни шагу из дома!» Понимаю, мне не остается ничего другого, как послушаться бабушку. Тряхнув его за плечо, обиженно произношу: «Ну, пошли тогда». Бабагельды расцветает. Конечно, он добился своего.

Помню, однажды нас на «тропу войны» вывела женщина из соседнего аула, приехавшая _____ провести бабушку, ее хорошая подруга. Мы с братом играли возле бабушки в три альчика, «учем-учем» называется игра. Бабушка очень обрадовалась приезду этой женщины. «Вай, подруга, какими судьбами?» — и радостно обняла свою гостью. Женщина вроде бы и неплохая, она сразу же ласково посмотрела на нас и стала говорить то, что должно было понравиться бабушке:

— Какие у тебя замечательные внучата, в настоящих парней выросли. И оба похожи на своего отца в детстве, — наверно, мой брат понравился этой женщине больше, она не ограничилась тем, что погладила его по голове, еще взяла на руки и расцеловала. Бабушка и гостя пили чай, ели, вспоминали молодость свою. Надо сказать, что несколько месяцев тому назад мы выдали нашу старшую сестру замуж как раз в то село, откуда приехала эта женщина. Бабушка

возьми и спроси у нее, как там поживает ее внученька. Когда она напомнила о нашей сестре, перед глазами тотчас же возник ее родной облик. Потому что и я, и мой младший брат очень любили ее и сейчас скучали по ней. Раньше, когда наша сестра жила дома, отправляясь к подругам просто посидеть или позаниматься вышивкой, она всегда брала с собой в попутчики меня, а в последнее время с ней ходил только Бабагельды. Теперь же, приезжая погостить домой, она привозила с собой вертлявую девчонку со взъерошенными волосами и называла ее своей золовкой. А вообще, мне не нравится, когда девушки уходят из дома и про них говорят, что они вышли замуж. Может, поэтому я не очень-то люблю родственника, который стал зятем. Да и почему, собственно, я должен любить его? За что? За то, что он увел из дома твою любимую сестру?..

Я не сразу понял, отчего на вопрос бабушки гостя переменялась в лице. Она погладила свое широкое лицо, словно хотела стереть с него невольное возникшее выражение, связанное с предстоящим неприятным сообщением.

— Я ехала сюда с намерением ничего не говорить тебе, но раз уж ты спросила, придется сказать. Своими глазами я не видела, но ближайшие соседи вроде бы видели. Похоже, ваша девочка не очень-то ладит с мужем. А в тот день он и вовсе ударил ее по щеке...

Лицо бабушки потускнело на глазах. Затем на ее лице появилось задумчивое выражение, словно у человека, размышляющего про себя: «Пойду на базар, куплю

то-то и то-то, хотя денег у меня столько-то...» И лишь спустя какое-то время она произнесла фразу, которую гостя должна была помнить и по возвращении домой.

«Братьям не понравится, если они узнают, что их сестра получила пощечину...» Она, конечно, имела в виду нашего отца, но и на нас с Бабагельды посмотрела вырази- тельно,

---

как бы говоря: «Да и эти тоже не останутся в стороне».

Как и всегда, бабушка и на сей раз оказалась права. Мне тоже не понравилось сообщение нашей гостьи, да и кому могут понравиться обиды, нанесенные твоemu

близкому человеку?! Я и на следующий день несколько раз вспоминал этот разговор, а в ушах все звучали слова недовольной бабушки: «Туркмены никогда не понимали насилия над слабыми...»

Душа моя была беспокойна, я не мог оставаться равнодушным к случившемуся, должен был что-то предпринять, в конце концов у меня созрело решение во что бы то ни стало отомстить обидчику сестры. Едва дождавшись утра следующего дня, я запряг своего ишачка и стал ждать удобного момента, чтобы тайком от бабушки и домашних отправиться в соседнее село и наказать ненавистного зятя. Уже взошло солнце, но погода была холодной. Карманы телогрейки, надетой поверх пиджака, были битком набиты камнями и оттопыривались. Мне бы только добраться до соседнего села, а там я найду этим камням применение! Задумав устроить мужу сестры вендетту, я отправился на каменистую дорогу, проходившую неподалеку от нашего дома, и тщательно отбирал там эти камни, которые сейчас оттягивали мне карманы. Стараясь никому не показываться на глаза, я тихонько выехал на большую дорогу и на тебе! На своем трехколесном велосипеде прямо на меня ехал Бабагельды. Я-то от него и прятался, ехал по закоулкам, а он, как нарочно, опять у меня на пути. А дальше все вышло именно так, как я и думал.

Отшвырнув велосипед в сторону, он затащил всю ту же песню: «И я с тобой!»

Скажешь «нет», он такой ор поднимет, что мало не покажется, и тогда уже точно никуда не поедешь. Делать нечего, я протянул ему руку, поставил вместо ступеньки свою ногу и помог взобраться на ишака, усадил брата позади

себя. А иначе, если бабушка вдруг узнает, разве отпустит она меня туда?!

Получив направление движения, ишак цокает копытами по глинистой обочине каменистой дороги. Бабагельды, чтобы не свалиться с ишака, обхватив меня крепко ручонками поверх телогрейки, сидит сзади, привалившись к моей спине. Показав ему камни, которые были у меня в кармане, я объяснил братишке, что на сей раз мы едем к сестре не для того, чтобы передать ей угощение или же какое-нибудь сообщение от бабушки, а для того, чтобы отомстить за нанесенную ей обиду, дал ему пару камней, чтобы он мог запустить их в зятя. Узнав, куда и зачем мы едем, Бабагельды сразу же вспомнил, что и у него там имеется враг. «У них еще серый петух есть, я его тоже побью...» Серый петух — это тот, который набросился на моего брата, когда он вместе с бабушкой приезжал навестить сестру, и сильно испугал его. Так что у Бабагельды были все основания заодно и петуха наказать.

Я понял, мой брат жаждет мести ничуть не меньше меня. Человек всегда чувствует себя сильнее, если у него появляется единомышленник. А солнце наверху то выглянет из-за туч, то снова скроется. Немного проехав по открытой местности, мы начали мерзнуть, день был морозный. Правда, нас согревала мысль о том, что мы едем на правое дело — мстить. Наверно, оттого, что немного замерзли, нам показалось, что село находится дальше, чем обычно. Но в конце концов мы добрались до него, правда, день уже приближался к полудню. Поставили своего ишака прямо перед домом зятя и ждем. Как только он появится, мы забросаем его камнями, вот только что-то слишком долго никто не выходит из дома. Только потом мы заметили, что на двери дома висит огромный замок. Вот незадача! Нам стало ясно, что они заперли дверь и куда-то ушли. Услышав наши голоса, из соседнего дома вышел квадратный человек со

смуглой кожей.

Сощутив глаза, он некоторое время смотрел в нашу сторону, пытаясь опознать нас. Братишка, думая, что это зять, заерзал на месте, собираясь запустить в того камнем. По нашему уговору, как только зять появится нам на глаза, мы должны с двух сторон выпустить в обидчика нашей сестры град камней. Рука братишки поднялась, но он так и не смог разжать застывший от холода кулак, в котором был зажат камень. Тем временем смуглый человек подошел ближе и обратился к нам: «Эй, ребята, вы сыновья Назара ага?»

Видно, он догадался, кто мы такие, когда мы громко выкрикивали имя сестры.

— Да.

— Это хорошо, давайте тогда, слезайте с коня, к тому же вы порядком промерзли, пойдемте в дом, согреетесь, гостями будете! А вашей Биби эдже нет, они сегодня утром целой толпой поехали в город к дочери, та сына своего женит. Так что вряд ли они вернутся прежде, чем закончится свадьба.

Я как-то не обращал внимания, а оказалось, что Бабагельды очень сильно замерз, губы у него посинели и дрожали. Когда мы ехали сюда, я слышал, как у меня за спиной что-то щелкает, думал, что это Бабагельды стучит камнями, готовится к битве, а оказалось, что это у него от холода зубы стучат.

Человека, который, признав в нас сыновей Назара, приютил у себя дома и обогрел, звали Язы по кличке сары*. О том, что его зовут именно Язы-сары, мы узнали, вернувшись домой с «вендетты». Оказалось, когда наш отец на своем тракторе обр- батывал в этом селе землю, Язы-сары был при нем помощником, учился у него водить трактор. Язы-сары снял моего братишку с ишака и на руках отнес в дом, там он усадил его возле теплой печи. Я сел немного позади него. Расстелили сачак, мы поняли, что нас собираются

накормить. Нам принесли яичницу на сковородке. Язы-сары сидел рядом с нами, «Берите, ешьте!» — предлагал он нам, сам же изредка протягивал руку к сковороде и делал вид, что ест. Да и брат мой не очень-то ест, одну руку он все еще держит в кармане. Я посчитал это неприличным и вынул руку брата из кармана. Вот тогда-то и открылась цель нашего прибытия сюда. Когда Бабагельды разжал немного согревшуюся руку, в ней лежал один из двух камней, которые я дал ему. Только сейчас я понял: он так долго не мог разжать кулак, потому что тот задубел от холода. Увидев в кулачке брата камень, Язы-сары заинтересовался им и спросил: «Что это?», — и тогда я вынужден был признаться, что мы приехали сюда, чтобы наказать нерадивого зятя, отомстить ему за нашу сестру. Выслушав меня, Язы-сары, задрав голову, от души рассмеялся. Оказывается, когда он так смеется, из глаз его текут слезы, а желтая кожа на его лице становится багрово-красной. Не переставая смеяться, он крикнул жене, которая сновала по дому:

— Эй, жена, вели забить одного из петухов, и сына позови, пусть моркови нарост, приготовь плов!

Не знаю, почему, но я понял, что мои слова пришлись по душе Язы-сары, что они вызвали у него чувство гордости за нас. Он обогрел нас, попотчевал, как дорогих гостей, и со всеми почестями проводил домой.

Когда мы верхом на ишаке поравнялись с домом сестры, я остановился еще на минуту. Брошенный мною камень стукнулся в их дверь. Мой братишка оказался более метким, чем я, его камень угодил прямо в окно и вдребезги разбил его.

* Сары — желтый, смуглый.

Никто не хватился нас, когда мы уходили, зато, когда мы вернулись обратно, нас сразу же заметили. Конечно, столько времени отсутствовать и при этом остаться незамеченными?! Увлечшись интересными рассказами Язы-сары, поев вкусного плова и расслабившись, мы и не заметили, сколько времени прошло. Когда мы вернулись, выяснилось, что бабушка и мама ходили по соседям, искали нас.

Нам не оставалось ничего другого, как честно признаться, где и зачем мы были.

Выслушав меня, бабушка всхлипнула: «В такой-то холод?», — не договорив, она обняла брата и заплакала. Лишь спустя некоторое время, когда мы зашли в дом, разделись и устроились возле теплой печи, бабушка снова стала для нас родным и близким человеком. Она ласково журила нас:

— Вы только посмотрите, что они надумали, да еще в такой мороз! В голову ведь такое не могло придти. Видите ли, мстить они поехали. Тоже мне еще Героглы отыскались! Какие из вас мстители, вы ведь совсем дети еще, только вон как продрог ли... Тогда уж надо было вам еще трижды обойти вокруг гуджума*, пронзить его стрелой из желтого лука, оставить след, а уж потом возвращаться...

Хоть бабушка и ворчала, но в этом ворчании уже не было гнева, с которым она встретила нас, когда мы вернулись домой, напротив, в словах ее неожиданно прозвучали горделивые нотки.

Не знаю, как брат, а я-то сразу сообразил, почему бабушка вспомнила о Героглы беке. «Героглы» — это книга, которую в нашем доме любят читать все. В ней рассказывается о том, как Героглы отправился мстить Арап Рейхану, который силой увез из дома его юную сестру.

* Гуджум - Большое тенистое дерево.

Уже усадив Бибиджан в седло своего коня, он трижды обходит дерево ильм, под которым спит Арап, и выстреливает в него из лука, оставляет на дереве метку, чтобы тот, проснувшись, мог увидеть след его пребывания. Видно, наш поход за мщением напомнил бабушке тот поход Героглы, который также намеревался отомстить ненавистному врагу, поэтому она, говоря об этом, улыбалась.

МИСКА РЕКСА

Сегодня утром Марьям проснулась от доносящегося из дальнего конца двора знакомого кокетливого смеха вдовой соседки. А ей так хотелось еще немного побыть в этом волшебном царстве сна, понежиться в согретой ее обнаженным телом постели. К тому же ей некуда было спешить, она нигде не работала и ничем особенным не занималась. Марьям относилась к категории богатых домохозяек. Ее муж был старше нее лет на пятнадцать, он был из тех, кто умело воспользовался суматохой последних лет, связанной с распадом государства, вовремя использовал ее в собственных интересах и завладел несметными богатствами, такие, как он, называли себя “новыми туркменскими баями”, народу же они были известны как “разбогатевшие потом”. Словом, он был одним из тех, кто, как в сказке, в мгновение ока стал богачом.

На самом деле все поздние туркменские богачи действовали по одному сценарию, ведь у них не было опыта предков, поэтому они, ведя одинаковый образ жизни, набирались опыта друг у друга.

Первым делом обзаведясь парком престижных иномарок, они сразу же приступали к строительству элитных особняков в разных концах города. И вот еще в чем “новые туркмены” повторяли друг друга: имея жен, они с большим удовольствием заводили себе молоденьких любовниц, обращали на себя всеобщее внимание и даже кичились этим.

Марьям была как раз из тех, кто в мечтах о роскошной жизни становился любовницей состоятельного, хотя и женатого мужчины. Вот уже три года она в свое удовольствие жила в доме, купленном ей ее мужчиной. И сейчас в другом

конце двора был почти готов строящийся специально для Марьям шикарный двухэтажный особняк.

Года два-три назад, покупая этот дом и оформляя купчую на имя Марьям, “новый туркменский бай”, показывая своей возлюбленной на аккуратный одноэтажный домик со всеми удобствами, пообещал: “Ты пока поживи в этом доме и потерпи немного, я потом выстрою для тебя двухэтажный дворец!”

И после, когда они с Марьям, как молодожены, проводили свой “медовый месяц” на берегах Италии, он еще пару раз напоминал о своем обещании.

Если он не был в командировке, “разбогатевший потом” три ночи в неделю посвящал своей любовнице, но и в другие дни, как только у него появлялась свободная минутка, заезжал сюда, чтобы провести свою милую, крутился возле нее.

Марьям не понравился прозвучавший в неурочное время громкий смех соседки. Потягиваясь и протягивая руку к лежащему в ногах просторной кровати шелковому халату, ласкающему голое тело женщины, недовольно выругалась про себя: “Чему эта шлюха с утра пораньше радуется?!”

День уже давно был в полном разгаре, раскрасневшийся с самого утра, как только что испеченная лепешка, шар солнца торопливо карабкался в небо, словно совершая восхождение на гору. Ничего этого не видела Марьям, укрытая в полумраке комнаты с плотно зашторенными окнами.

Сощурив глаза, зевая и потягиваясь, Марьям подошла к окну, где глазам ее предстала следующая картина: соседка, прислонившись к разделяющему участки деревянному штакетнику высотой с человеческий рост, покачивая роскошными крутыми бедрами, словно кого-то дразня ими, стояла возле их строящегося двухэтажного особняка и весело болтала с худощавым наемным работником, которого муж со словами “плотнические работы будет выполнять он,

---

люди хвалят его как хорошего мастера” привел примерно с неделю - дней десять назад. Говорила главным образом соседка, время от времени прерывая разговор громким смехом, парень же, не отрываясь рот работы, замерял и отрезал доски и лишь иногда, подняв голову, для приличия поддакивал ей и улыбался.

Соседке было далеко за сорок, однако была она красива и статью вышла. Это была женщина, которая умела привлекать внимание мужчин, глядя на нее, они с восхищением думали: “А кобылка-то еще ничего!”

Марьям завидовала умению той одеваться, на ней всегда были наряды европейского кроя, но с национальным колоритом. Она и сама, как все молодые и влюбленные женщины, любила одеваться, каждый раз, надевая на себя что-то новое, она видела в зеркале, как идет ей новый наряд, который делает ее еще красивее, и верила, что после этого муж будет любить и желать ее еще сильнее. Она и сама не замечала, как временами начинала подражать соседке, перенимая ее стиль одежды и тем самым вступая в тайное соперничество с ней. До сих пор их соседство не распространялось дальше обычных приветствий. Муж советовал ей не особенно сближаться с вдовой, не водить с ней дружбы, не ссориться по пустякам и держаться от нее на расстоянии. Напоминая ей, что это не просто женщина, а женщина-журналист, которую он время от времени видит по телевизору на высоких правительственных совещаниях, он наказывал: “Не очень-то открывай ей душу, пусть она не знает твоих тайн, держись от нее подальше”. Говорил, что от таких женщин чего угодно можно ждать, сказал, что он и сам немного опасается этой женщины.

До сих пор Марьям не обращала никакого внимания на парня, хотя тот уже несколько дней жил и работал у нее во дворе. Она считала себя принцессой, “госпожой такой-то”, поэтому парень для нее был всего лишь наемным

работником, то есть обычным батраком. И вообще, как только муж привел его с собой, он сразу же не понравился Марьям. Вслух она никак не выразила своего отношения к нему, но в душе отругала мужа: “От этого неряхи вряд ли дождешься работы”, потому что считала, что и без того строительство дома идет медленно.

Она еще больше укрепилась в своем мнении после рассказа мужа об этом мастере: “Этот бедолага был офицером, окончил в России военное училище. Лет шесть-семь все у него было хорошо, он даже командиром побывал. А потом его как непригодного к воинской службе комиссовали. Говорят, беда не приходит одна, жена этого несчастного с двумя детьми уехала к себе на родину в Россию. С тех пор он и занимается наемным трудом, и живет там, где работает...” После рассказа мужа и глядя на худобу мастера, Марьям сразу же сделала вывод: “Если он болен, значит, у него туберкулез, его же видно, небось, по этой причине и жена от него сбежала, как пить дать, у него самая настоящая чахотка... болезнь заразная, так что надо быть от него подальше, береженого Бог бережет...” Ничего не зная в точности, она тем не менее напомнила своей домработнице, что у больных туберкулезом должна быть отдельная посуда, и наказала ей не пускать его в дом, а носить еду в специально отведенной посуде туда, где он работает. Эту миску, похожую на собачью посуду, Марьям купила недавно на рынке, чтобы кормить из нее немецкую овчарку Рекса, охранявшего дом. Она была еще новой, Рекс всего несколько дней питался из нее. Рабочий, будто бы ни на что не обращавший внимания, словно читая мысли хозяйки дома о себе, вообще не замечал ее. Он даже близко не подходил к Марьям, разве что иногда приходил к крану возле старого дома, чтобы умыться. Он постоянно что-то замерял, резал и строгал, прибивал гвоздями, словом, с головой ушел в свою работу.

Когда Марьям, медленно прогуливаясь по асфальтовой

дорожке, проложенной из конца в конец засаженного розами двора, приблизилась к строящемуся дому, женщина, беседовавшая с рабочим, уже собиралась уходить. Но увидев подходившую соседку, еще немного задержалась, чтобы поздороваться с той.

Как обычно, соседки улыбнулись друг другу и кивнули головами, коротко поздоровались. После чего вдова не преминула заметить: “Не сглазить, соседка, твой новый дом на глазах преобразается, хорошеет”, – и с завистью посмотрела на уже почти готовое строение.

- Да, только уж слишком затянулось его строительство, – выразила недовольство Марьям.

- Да нет, чего ж там долго. Разве не в середине прошлого года вы начали строить его? Стены подняли быстро. Просто на отделочные работы уходит немало времени, – соседка, поначалу возражавшая Марьям, потом вынуждена была согласиться с ней. Марьям опять с недовольным видом протянула: “Ай, теперь мы будем рады хотя бы до зимы переселиться в него”. Мастер, занятый своим делом, что-то уронил и искал среди обрезков досок, услышав последние слова Марьям, впервые оторвался от своего занятия. Было ясно, что упрек хозяйки дома он отнес на свой счет, и теперь должен был ответить на него. Когда он посмотрел на Марьям, их взгляды встретились впервые. В этот миг Марьям показалось, что кто-то слегка толкнул ее в грудь, по всему телу словно разряд электрического тока прошел. Совершенно неожиданно она почувствовала, как у нее пересохли губы, она растерялась и тотчас отвела свой взгляд от глаз мастера. Потому что, как только их взгляды встретились, с присущей ей женской интуицией Марьям поняла, что перед ней стоит не просто обыкновенный рабочий, а человек, перед которым, при желании, невозможно устоять. Сейчас он был похож на тигра, сама же она напоминала повстречавшуюся на его пути дикую козочку, и тигр посмотрел на нее с вожделением: “Ах

ты, козочка, вот я тебя...” – было написано в его взгляде, она это сразу поняла.

А когда мастер вслух сказал: “Гелин, вы не очень-то подгоняйте меня, всему свое время, да и работа идет неплохо, так что ее окончание не за горами...” – его слова прозвучали для нее приятнее ожидаемого. После этого стало понятно, что в душе парня также произошел какой-то непонятный переполюх.

Вдовствующая соседка, объясняя причины своего появления здесь, сообщила Марьям, что после окончания работ хочет пригласить мастера к себе, ведь в доме, где нет мужчины, всегда есть что поправить.

После этого Марьям еще немного походила по двору, поглазела по сторонам, а когда вернулась в дом, почувствовала, что ее тело по-прежнему охвачено дрожью, неожиданно возникшей от взгляда мастера, и сама она находится в состоянии непонятного возбуждения.

Она вспомнила, что точно такие же ощущения испытывала в школьные годы, когда в укромном месте тайком целовалась со своим одноклассником Гарягды.

Войдя в дом, Марьям резко открыла холодильник, достала оттуда одну из запотевших бутылок и, не имея терпения налить воду в посуду, выпила ее залпом прямо из горлышка бутылки.

* * *

Сегодня снова был тот желанный день, которого Марьям всегда ждала с нетерпением. Она принадлежала к тем женщинам, которые знали цену мужской любви, ее душа постоянно жаждала ее.

И если на то пошло, она была женственна и хороша собой, мужчинам в ней нравилось все - и ее горделивая осанка, и ладная фигурка, женщина была уверена, что красотой своею покорила мужа, гордилась этим и жизнью своей была довольна. И потом, Марьям давно стремилась

к роскоши, в которой теперь жила, своего нынешнего положения она добилась, с легкостью переступив через женское самолюбие, вставшее на пути к достижению цели, меньше всего ее волновало и то, что она была попросту наложницей женатого мужчины. А то кем она была прежде? Разве не была она одной из тысяч таких же женщин, влачащих жалкое существование от зарплаты до зарплаты? Но уж если человеку повезет, так повезет! Семь-восемь месяцев Марьям проработала переводчицей в офисе “нового туркмена”, и не успела стать незаменимым специалистом, как превратилась сначала в женщину, которую хозяин пожелал постоянно видеть перед своими глазами, а потом и вовсе в его вторую жену. Вышло как в сказке: прилетела белая птица и прямо в клюве своем перенесла ее в этот сказочный замок...

В такие дни она всегда просыпалась намного раньше обычного. Помнила, что сегодня ее должен навестить муж, а это всегда доставляло ей удовольствие. Как и обычно, сегодня она встала с постели, потягиваясь и сладко зевая, и по привычке подошла к окну. Прихватив одной рукой плотную, как кожура арбуза, спадающую до самого пола алую штору, она отодвинула ее немного и стала наблюдать за тем, что происходит во дворе.

Кругом царила тишина. Не было видно ни мастера, о котором Марьям подумала “наверно, уже бродит по двору”, ни соседки, которая обычно с утра пораньше копошится возле деревянного забора, гремя посудой, вечно подстегивая себя и носясь от стоящего там курятника к дому и обратно.

Наблюдая за окружающим миром, Марьям по привычке погладила одну из грудей, выглядывающих из распахнутого халата, получила от этого удовольствие, и окончательно проснулась. Она потягивалась, готовясь выйти во двор и заняться утренней гимнастикой. Натягивая на себя облегающий спортивный костюм, подчеркивающий все выпуклости ее фигуры, впервые задумалась о том, что

рабочий и соседка могут увидеть ее в такой форме и удивиться, словно она никогда прежде не надевала ее. Почему-то теперь ей не хотелось показываться на глаза рабочему в прежнем виде. Но она тут же подумала о том, что женой рабочего была русская женщина, так что полураздетая женщина вряд ли может его удивить, эта мысль развеяла все мучавшие ее сомнения и вернула Марьям прежнюю уверенность.

Увидев выходящую из дома хозяйку, Рекс подбежал к ней и, виляя хвостом, всем видом своим выказывал радость, он лизал ей руки, путался у нее в ногах. Мастера нигде не было видно, но из глубины дома доносились стуки его молотка и топора. Слава Богу, сейчас и соседки нигде не видать. Марьям была не против отсутствия соседки, тем не менее по привычке подумала о ней неприязненно: “Неужели эта плоскостопая до сих пор дрыхнет?..” и представила смешную картинку: женщина лежит, задрав ноги к небу, напоминая синицу, которая поднимает ноги для того, чтобы “подпереть небо, если оно будет падать”.

Выполнив во дворе несколько привычных упражнений для разминки тела, Марьям еще немного побегала вместе с Рексом по дорожкам, она была благодарна собаке за то, что та своей беготней поддерживала и подбадривала ее.

Сегодняшний день, когда ее должен был навестить “новый туркменский бай”, для Марьям имел особенное значение, в такие дни она была бодра и вдохновенна и как-то по-особому чувствовала себя. Ей хотелось быть нарядной, хорошо выглядеть, встретить свою вторую половину со всеми почестями и всячески угождать ему. В честь его прихода она каждый раз накрывала стол на двоих и называла это застолье “маленьким праздником”. Как и всем любвеобильным молодым женщинам, ей хотелось в этот день быть нежной и заботливой, выглядеть красивой. Дни встречи со своим возлюбленным она считала самыми счастливыми для себя, ведь ее ждала полная сладостных

минут бурная ночь, когда два любящих и устремленных друг к другу тела сливаются воедино и в едином порыве, издавая шлепающие звуки, дружно разминают белую глину любви.

В такие дни Марьям сама готовила угощение для своего “маленького праздника”, во-первых, так время бежит быстрее, а еще потому, что собственноручно приготовленная еда всегда кажется особенно вкусной.

Она и сегодня не изменила своим правилам. Первым делом сразу же после полудня отпустила домработницу: “Дайза, сегодня ты можешь сходить проведать своих внуков!” Оставшись одна, она натянула на себя передник и приступила к приготовлению праздничного угощения. Через некоторое время кухня наполнилась ароматами запекаемой в духовке курицы, натертой всевозможными специями. Затем на столе появилось плоское блюдо с фруктами - яблоками и гранатами, апельсинами и бананами, вазочки со всевозможными салатами одна за другой занимали почетные места на столе.

Когда Марьям закончила приготовление торжественного ужина, готова была и курица, ее аппетитный запах, смешанный с ароматами всевозможной зелени и салатов, заполнил всю комнату.

Затем Марьям прошла в ванную комнату. Не спеша разделась, отбросила одежду в сторону. Для Марьям это место было одним из самых любимых в доме. Каждый раз за три-четыре часа до того, как попасть в объятия любимого мужчины, она любила принять ванну. Лежа в пене и с наслаждением растирая тело, она чувствовала, как под ее руками кожа становится гладкой и эластичной, бархатистой, мужчинам нравится такая кожа. Прямо напротив ванны на стене висит большое зеркало. Так вот, отраженная в этом зеркале ванна была сейчас белой яхтой, а высунувшая голову из белой пены разомлевшая Марьям походила на спящую хозяйку бегущего по волнам судна. В такие минуты

мечтательные женщины в ожидании своих мужчин всегда переживают особые, приятные чувства. Вот и Марьям сейчас находится точно в таком же состоянии. Ведь она была женщиной, поставившей перед собой цель стать счастливой, а чтобы стать ею, надо выполнить ряд условий. Счастье не предназначено для одного человека, счастливым можно быть только в паре, причем, это должна быть пара из мужчины и женщины.

Выйдя из ванны, Марьям стряхнула с себя воду и подошла к зеркалу, постояла немного перед ним, любуясь своим упругим телом. Она видела, что тело ее было беломраморным, зовущим, она гордилась своими небольшими упругими грудями с темными сосками, напоминающими рожки драчливых козочек. Глядя свои груди, Марьям представляла, как она прикладывает к ним своего беленького младенца, о котором мечтала вот уже несколько лет и которого постоянно видела в своих снах. Помня, с каким удовольствием сосут детишки материнскую грудь, она думала о том, что и ее собственный малыш, когда он родится, будет с наслаждением сосать ее грудь. Погруженная в эти мысли, она на какое-то время забыла обо всем на свете.

Стоя перед зеркалом, Марьям расчесала волосы, заплела их в косу и закрепила ее на затылке, затем, не отходя от зеркала, протянула длинную белую руку и достала с полочки флакон с хорошо пахнущими духами. Капнув на палец, она помазала духами вначале за ушами, затем нанесла их на щеки и шею, хотя и помнила, что ее муж не очень-то любит запах духов и каждый раз говорит ей: “Если хочешь понравиться мне, не пользуйся никакой химией!” Но она оставалась женщиной, поэтому каждый раз непроизвольно тянулась за духами.

Вернувшись в комнату, Марьям, надевая новое платье с украшенным вышивкой высоким разрезом на боку, из

которого при каждом ее шаге выглядывало белое бедро, снова вспомнила про соседку. Потому что такое платье впервые она увидела на соседке и тогда же захотела занять похожее. Марьям встретила ее вчера возле своего нового дома, возвращаясь поздно вечером из города, в руках у той была миска с едой. Соседка сказала тогда со смущенной улыбкой на лице: “Да вот, приготовила вкусенького и решила угостить вашего рабочего”. Марьям, не зная, как реагировать на слова соседки, улыбнулась и кивком головы ответила на ее приветствие, а затем молча прошла мимо нее к себе, но придя домой, выругалась: “Сучка, почуяла запах кобеля!” Именно тогда она поняла, почему обед, налитый в миску Рекса, иногда возвращался от рабочего нетронутым. Так ведь его со стороны подкармливают! Марьям вспомнила, как впервые увидела соседку, которая терлась о деревянный збор, и на этот раз сравнила ее с вороватой козой, которая, вытянув шею, пытается достать и съесть траву с чужого участка. Обиженно подумав “Может, эта шлюха опять что-нибудь придумала, чтобы и сегодня прийти сюда”, – она подошла к окну и легонько отодвинула штору. Марьям увидела мастера, со связкой досок под мышками поднимавшегося по ступеням в дом.

Сегодня, как и обычно, в предвкушении удовольствий Марьям хорошо подготовилась ко встрече с любимым мужчиной. Стемнело. Совсем скоро у ворот дома остановится роскошный автомобиль ее принца - “нового туркменского бая”. Марьям была готова в любую минуту встретить его у порога и броситься ему на шею. Но почему-то сегодня “новый туркмен” все не приезжал. Сумерки сгустились, и вот уже наступила ночь. Марьям подошла к окну и выглянула во двор. Там она никого, кроме Рекса, не увидела. Собака, что-то вынюхивая, бродила по двору, потом вдруг подбежала к новому дому, остановилась у крыльца и стала смотреть на дверь с таким видом, словно

хотела просить работника вернуть ему его миску, постояв немного, побежала обратно.

В момент, когда зазвонил телефон, Марьям думала о том, что ее муж уже подъезжает к дому и что очень скоро светом фар автомобиля он отодвинет тьму и торжественно въедет во двор.

Марьям вздрогнула от неожиданности и схватила трубку стоящего рядом с ней телефона. Оттуда донесся знакомый хрипловатый голос:

- Сидишь?

- А что мне еще остается делать?— в голосе Марьям вместе с тревогой прозвучал и упрек.

- Сиди. Мы тут пока работаем над контрактом, который должны подписать с иностранцами, придется еще немного задержаться, ты не жди меня, поужинай, я приеду сразу же, как только освобожусь...

В такие минуты Марьям просто ненавидела телефонные звонки, потому что, если телефон звонил в неурочное время, он чаще всего приносил ей малоприятные вести: “Сегодня приехать не смогу...”, “В том доме появилась небольшая проблема, придется мне поехать туда...”

Марьям изменилась в лице, у нее испортилось настроение. После этого, хоть она и сильно проголодалась, есть особо не стала, пощипала того-другого, а потом, чтобы как-то убить время, включила телевизор.

Когда телефон зазвонил вторично, была уже глубокая ночь. Марьям, устав от ожидания, задремала прямо у телевизора.

На этот раз разговор был еще короче.

- Марьям!

- Да!

- Я не смогу приехать. Ты не жди больше, ложись спать. Завтра я в течение дня навещу тебя... Не забудьте покормить Рекса!

Марьям была похожа на разъяренную тигрицу. Она со злостью отшвырнула от себя телефонную трубку, словно та была повинна в случившемся. От обиды у нее задрожали губы, к горлу подступил ком, из глаз брызнули слезы. Ведь она всем сердцем ждала и так жаждала устроенного ею “маленького праздника”! Как он мог так поступить с ней? Вконец расстроенная, женщина металась по комнате, не находя себе места, она понимала, что “музыка любви” никогда не звучит соло, ее можно исполнять только дуэтом...

Новое платье с разрезом, которым она так любовалась несколько часов назад, представляя, как будет очарован ее возлюбленный, теперь раздражало ее. Сдернув его с себя, она скомкала его и со злостью отшвырнула в дальний угол комнаты.

Но и на этом не успокоилась. Напротив, спустя какое-то время в голове ее родились совсем другие мысли, которые тут же завладели ею. Она чувствовала, как пылают ее щеки, как душа ее жаждет любви, с ней творилось что-то невероятное, казалось, если она сейчас перевернет стол со всеми его яствами, ей станет легче. Но она сдержалась, только устало бросила себя в постель. Уткнувшись лицом в подушку, Марьям тихонько заплакала.

Отчаянно залаял Рекс, и в душе Марьям опять затеплилась надежда, она оторвала голову от подушки, прислушалась.

“...А может, он закончил работу и поехал сюда, соскучился по мне...” – ей хотелось улышать звук подъехавшей машины. Лай собаки, прозвучавший у самого порога, стал отдаляться, а потом и вовсе донесся с соседнего участка. Марьям поняла, что он снова гоняется за соседской кошкой, которая время от времени имеет привычку забредать в их двор и подбирать остатки чужой трапезы. Выходка Рекса снова напомнила ей о вдовствующей соседке, которая что ни день под каким-либо предлогом навещала рабочего. Вспомнив о

ней, Марьям недовольно поморщила нос, словно вдохнула горький запах дыма. И тут же вспомнила обжигающий взгляд парня, который так и застыл в его глазах. На этот раз рабочий смотрел на нее более пристально, с вождением. Марьям даже видела, как вспыхнул его взгляд при виде хозяйки дома...

Когда Марьям, поддавшись сиюминутному желанию и забыв обо всем на свете, держа в одной руке блюдо с запеченной курицей, а другой взявшись за горлышко бутылки с холодным шампанским, пошла к храпевшему на одном из этажей нового дома мастеру, время было далеко за полночь...

* * *

Отправившись в Россию, мастер провел там несколько месяцев в кругу семьи и в начале осени вернулся, чтобы продолжить свою прежнюю работу наемного плотника. Перед отъездом он поработал в доме вдовы и там же оставил на хранение свои рабочие инструменты. Сейчас он как раз пришел к ней, чтобы забрать свое имущество. Когда он появился, “новый туркмен” только что переехал в новый дом и как раз праздновал рождение сына. Было много гостей, но еще больше угощения...

Парень вошел во двор, чтобы поздравить хозяина с праздником, и первое, что ему бросилось в глаза, была миска, из которой он столько времени питался. Сейчас она стояла перед Рексом.

Миска была до краев наполнена помоями.

МАТЬ

Уж если плачет, то только мать...

Туркменская пословица

Труп юноши вот уже второй день висится черной горой на другом берегу реки – на чужой стороне.

Село Марчак является одним из соседних сел, которые делят эту реку с афганскими селами, расстояние между ними не больше шестисот-семисот шагов, и выходит, что мы тут, а вы - там. Вчера в этом месте юношу нагнала единственная пуля, выпущенная афганским солдатом. И теперь казалось, что он с этого места ползет в сторону реки и вот-вот достигнет ее берега. С тех пор два воина стоят неподалеку от этого места, охраняют убитого.

Год выдался засушливым. К тому же и внутри страны было беспокойно, одних, назвав баями, упекли в тюрьму, а многих целыми семьями поснимали с мест и сослали в дальние края. Как и всегда в смутные времена, достаток покинули это село, подвергнув его жителей жестокому голоду. Ровно два дня назад юноша вместе с двумя напарниками, забрав из дома пару браслетов да небольшой коврик, которые можно было обменять на пуд-другой зерна, отправился на ту сторону. Такие обмены и раньше происходили между этими двумя соседними селами. И лишь когда русские захватили страну и поделили территорию – эта сторона наша, а та – чужая, походы на чужую сторону стали более редкими.

Раньше южный берег реки был желанным местом для тех, кто жил с ее северной стороны, эти зачастую гнали на тот берег отары овец и другого скота и обменивали их на пшеницу и кукурузу, которые там произрастали в изобилии, навьючивали зерно на ишаков и верблюдов и возвращались домой. Словом, делились с соседями их достатком. Новые

власти запрещали такие отношения, тем не менее местные жители, хоть и втайне, но все же продолжали поддерживать с соседями прежние отношения. “Голод что только не заставит съесть, голод что только не заставит сказать”, – эта поговорка родилась именно тогда. В последнее время марчакцам приходилось пробираться на ту сторону тайком.

Первые попытки уговорить командира афганских пограничников отдать труп юноши, чтобы предать его родной земле, оказались безрезультатными, хотя обращался к нему ахун, человек известный и уважаемый по обе стороны реки.

Затем двоюродный брат юноши, прихватив с собой вола, привязал его в прибрежном лесочке, так, чтобы его было видно с той стороны, и попытался договориться с афганцами. А те, что-то бурно обсуждая между собой, все никак не могли прийти к единому решению, долго не давали ответа. А юноша все еще лежал на пригорке чужой земли по ту сторону реки...

Мать, сидевшая дома в ожидании, когда мужчины принесут тело ее сыночка, в конце концов не выдержала и вместе с двумя другими женщинами поздно вечером пришла к реке. На высоком берегу собрались мужчины, родственники юноши, и взглядами караулили лежавший на той стороне труп.

Увидев мать юноши, ее прибывший из соседнего села брат озаботился:

- Зачем ты пришла, надо было ждать дома...

- Как тут усидишь?

Сухо ответив брату, мать прошла мимо собравшихся вокруг костра и обсуждавших ситуацию родственников, дошла до спуска и остановилась.

Отсюда особенно хорошо просматривалась местность, где лежал юноша. Внизу шумит река, на той стороне юноша тоже лежит на склоне, под ним, шагах в десяти-двадцати,

---

раскинулась низина, речные волны достигают ее кромки, трутся об нее и облизывают.

Наблюдая за этой картиной, мать подумала: “Да-а, сынок, ты уже почти у реки был... если бы прыгнул в нее, волны перенесли бы тебя на наш берег”. Потом, глядя на бурное течение реки, подумала еще: “Здесь не так и глубоко должно быть...” Потом мать долго не могла оторвать глаз от тальника, чьи длинные ветви спускались прямо к реке, словно руки пришедшего на помощь тонущему. Мысленно она помогла бегущему от погони сыну ухватиться за эти ветви и перебраться на этот берег.

Постояв немного у реки и еще больше разбередив душевные раны, мать вместе с другими женщинами вернулась домой. Не глядя на тех, кто сидел у костра, устремив взор куда-то вперед, она молча прошла мимо них. Придя домой, забилась в угол и лежала там, похожая на могильный холмик, укрывшись старым доном.

С наступлением темноты сидевшие у реки в карауле мужчины вернулись домой, чтобы немного согреться и обсудить дальнейший план действий. Они обменивались мыслями, как лучше поступить, чтобы забрать покойного с чужой стороны.

Глубокой ночью, когда женщина выходила на двор, из соседнего дома все еще доносились голоса мужчин.

Когда только-только начало светать, вдруг зашумели, забеспокоились сельские собаки. Стало ясно, что в округе появился кто-то незнакомый. Тем временем стало видно, как впереди собак в сторону села бежит человек. В это время родственники покойного собирались снова пойти к реке и уже на месте решать, что делать дальше. Прибежавший человек, увидев стоящих у выхода людей, тяжело дыша, вымолвил:

“... Идите туда, к реке идите!”- торопливыми жестами он дал понять, что случилось что-то ужасное. Когда люди

прибежали к реке, они увидели там промокшую насквозь мать, которая, лишившись сил, ничком лежала на земле, а в двух-трех шагах сзади нее находился куст тальника. На этом кусте неподвижно лежал погибший юноша.

На той стороне реки, размахивая руками, бегали и что-то зло выкрикивали афганцы в белых длинных рубахах и белых чалмах.

Люди, взяв ее под руки, помогли женщине встать с земли, обессиленная мать едва слышно процедила сквозь зубы:

– Теперь возьмите его и похороните!

Когда люди понесли покойного, еще не до конца рассвело. Покрывший себя чернотой правый берег недоуменно наблюдал за удаляющейся от левого берега толпой людей.

ВЕЛОСИПЕД

Я был учеником то ли второго, то ли третьего класса, а папина младшая сестра Говхер в те дни была уже зрелой девушкой и заканчивала десятый класс. Перед тем, как идти в школу, она всегда прихорашивалась, с удовольствием надевала приталенное платье зеленого сукна с вышивкой, а голову повязывала шелковым платком с красивыми красными цветами по полю, папа привез его из Ашхабада.

К вороту платья пристегнута легонькая брошь-гуляка, две толстые косы спадают на грудь, и вот уже перед вами писаная красавица, глаз не оторвешь!

Много позже я узнал, что девушки, наряжаясь и двигаясь легкой походкой, хотели подчеркнуть свою готовность ко взрослой жизни и таким образом привлекали внимание сверстников противоположного пола.

В дни, когда наши смены совпадали, я чаще всего шел в школу вместе с Говхер.

Как-то, когда мы уже почти подошли к школе, нас на велосипеде догнал Сахат, одноклассник Говхер из соседнего села. Поравнявшись с нами, он слез с велосипеда и остановился: “Говхер, ты вчера забыла в классе эту тетрадь”, – он достал из портфеля толстую голубую тетрадь и протянул ей. Когда Сахат говорил, его голос почему-то слегка дрожал.

Словно уличенная в воровстве, Говхер покраснела, смущенно посмотрела на меня, по сторонам, и только потом с озабоченным видом приняла от Сахата тетрадь. После этого юноша быстро поехал дальше. Это потом я узнал, что именно в ту пору между ними начались отношения, какие бывают между влюбленными молодыми людьми. Я был мальчишкой, поэтому мне и в голову не могло прийти, что

в той тетради, которую Сахат, догнав нас на велосипеде, отдал девушке, лежало любовное письмо, которое он писал всю ночь напролет.

И потом, то было время, когда любящие друг друга юноша и девушка вплоть до самой свадьбы старались скрывать свои чувства от посторонних.

А еще как-то раз я стал невольным свидетелем того, как эти двое, укрывшись в тополиной роще неподалеку от нас, о чем-то тихо разговаривали.

Только после этого мне стало ясно, отчего Сахат, живя в соседнем селе, без конца разъезжает на велосипеде мимо нашего дома.

Мне почему-то не понравилось, что Говхер встречается и разговаривает с посторонним парнем. Я заревновал ее. И хотя меня считали еще ребенком, стало понятно, что и у меня есть какие-то чувства, связанные с защитой достоинства нашей семьи. На следующий же день я приступил к своему плану мести. На первой же перемене, когда раздался звонок на урок и все отправились в классы, я немного замешкался и отстал от остальных, потом пошел туда, где стоят велосипеды. Сразу же узнав велосипед Сахата, я проколол ему колесо. Увидев после уроков, как он пыхтит, заклеивая камеру, я остался доволен своей работой.

Когда это повторилось и в третий раз, Сахат, увидев меня, многозначительно посмотрел на меня и улыбнулся, я прочитал в его улыбке: “Ах ты, озорник!”

Мне стало ясно, что он понял, кто именно выводит его велосипед из строя, и теперь мне надо было придумать что-то другое для того, чтобы продолжать мстить Сахату.

Многим улыбка Сахата была непонятна, но я-то хорошо знал, что она означает.

Наступило лето. Говхер с другими одноклассниками, парясь на солнце, занимались прополкой хлопчатника, я же когда один, а иногда и два раза на день приезжал в поле,

---

грузил на своего ишака собранные между рядов хлопчатника сорняки и увозил для своей прожорливой, ненасытной черной коровы, которой, сколько ее ни корми, все мало.

Однажды по дороге к Говхер я снова увидел знакомый велосипед, он был спрятан в укромном месте под мостом. Я представил себе Сахата. Конечно, это он, кто же еще. Наверняка приехал на свидание с Говхер. Во мне снова вспыхнуло чувство ревности. Спешно прыгнув с ишака, я схватил велосипед и вышвырнул его в излучину реки, туда, где течение было особенно бурным. Затем, чтобы он не догадался, что машина утоплена в воде, а подумал, что кто-то выкрал ее, я выломал пару кустов растущей здесь солодки, сделал веник и замел все свои следы.

Как только я подъехал к краю хлопковой делянки, Сахат отделился от работающих девушек и пошел стороной, делая вид, что не замечает меня. Глядя ему вслед, я злорадно думал: “Давай-давай, делай какой угодно вид, а я посмотрю, найдешь ли ты свой велосипед там, где оставил его, сейчас на дне реки на нем лягушки катаются”. Вытаскивая на край поля сорную траву, чтобы связывать ее веревкой, я несколько раз представлял, как Сахат мечется в поисках своего велосипеда и никак не может найти его. И радовался этому.

Впервые появившись в нашем доме, седая худощавая женщина сказала: “Я пришла породниться с вами”, а потом и вовсе зачатила. Перед самым началом хлопкоуборочной страды мы выдали Говхер замуж. В один прекрасный день приехал разукрашенный цветами и лентами “Газ-51” с полным кузовом молодых девушек и женщин, они завернули нашу Говхер в шелка и увезли ее с собой. Помню, я тогда, как и положено, вместе со своими сверстниками забрасывал камнями свадебный кортеж, а еще мальчишки радостно восклицали: “Мое сырое яйцо разбилось на лбу какого-то человека, мой камешек попал в толстую тетку!..”

Чабдар

I

Первыми стук конских копыт почувствовали окрестные холмы. Равнина, до которой докатилось эхо мощных ударов, приняла их на себя и словно качнулась и задрожала.

Чабдар, чутко стригнув ушами, поднял голову, прислушался. Ему показалось, что звук, из-за дальности скорее похожий на гул, исходил из-под земли.

Легко взбежав на вершину холма, он устремил свой острый взгляд в дальние заросли, смутно синеющие в молчаливой дымке за холмами. Оттуда всегда приходила тревога. Чабдар оглянулся. За его спиной на благодатной равнине Бадхыза пасся табун лошадей. Рассыпавшись отдельными группками, они спокойно выбрали травку посочнее. Изредка матери вскидывали голову и, отметив, что жеребенок где-то рядом, снова погружались в сытое дремотное состояние. Тревожиться за табун надлежало вожаку.

Чабдар был хорошим вожак. Никогда еще никакой заблудшей лошади не удавалось смешаться с его табуном. По неписанному закону ему принадлежал участок долины, тянувшийся от подножия кряжистых гор до солончаков, раскинувшихся далеко на юг. С одной стороны она окаймлялась холмами, за которыми всегда синели таинственные заросли гребенчука. Чабдар никогда там не бывал. Но беда всегда приходила оттуда. И Меле, вожак соседствующего с ними табуна, тоже приходил из-за холмов. Правда, границу владений Чабдара нарушать опасались, ну, а если такое случается, чужака изгоняли с позором. Лишь для Меле Чабдар делал исключение. Хотя и не позволял никогда победить себя. Разгоряченные, дико

кося налитыми кровью глазами, они сталкивались потными боками и теснили друг друга, роняя с губ клочья пены. Ни разу, однако, в их поединках дело не доходило до зубов, - сосед все-таки! Померявшись силами и потешив каждый свое тщеславие, они расходились, уводя табуны в разные стороны.

...Тревожный гул приближался. Чабдар отметил, что конь идет налегке; это было ясно из того, что он то замедлял ход, видимо, чтобы ущипнуть травы, то снова брал разгон, мощно ударяя копытами. И звук этих могучих ударов как бы извещал всех о направлении его стремительного бега.

Чабдар напрягся, ожидая появление чужака. Сердце билось ровно, уверенно подрагивали, налитые силой ноги. Он уже давно водил табун, и знал себе цену. Знал, что красив, особенно в ясную солнечную пору: шерсть его лоснилась и блестела, как рыба чешуя. Пастухи, наезжающие провести табун, каждый раз любовались красавцем-конем, восклицая при этом и пощелкивая языком, и дарили его разными гордыми именами. Однако, никто из них не осмеливался приблизиться к нему, держались на солидном расстоянии. Оберегая табун, Чабдар ревниво относился не только к своим соперникам, но и к людям. Ему ничего не стоило, особенно когда пастухов было один-двое, стремительно прижав уши к затылку, ринуться на того, кого посчитал посягнувшим на его права. И потому, когда предстояло перегнать табуны с одного участка на другой, пастухи сбивали вначале в одну кучу всех и лишь затем присоединяли Чабдара с его гаремом. Только так и удавалось выполнить намеченные перемещения.

Красота всем бросается в глаза. Лучший цветок бывает сорван раньше других. Красивую девушку обязательно уведут первой. Среди десятков пасущихся коней, выберут самого достойного, чтобы заарканить и приручить к работе. С Чабдаром такое не случилось.

Несколько лет назад, задавшись целью выловить понравившегося им коня и взнуздать, пятеро всадников день напролет, неотступно преследовали его. Напрасно. Пытаясь выбить его из сил, они сами еле держались в седле, да и лошадей едва не загнали. Чабдар не дался. Чертыхаясь и, вместе с тем, восхищаясь умным и строптивым конем, они довольствовались тем, что увели с собой двух молодых жеребцов, предназначенных для верховой езды.

С тех пор Чабдара не трогали. Он стал полновластным хозяином, наведя свои порядки в табуне, и в округе. Никто не смел к нему близко подойти, прежде чем он сам не подаст знака. Исключение делал лишь для молодого гнедого жеребенка, родившегося ранней весной. Чабдар испытывал к нему непонятную слабость, хотя даже сам себе не мог этого объяснить. Жеребенок частенько подкрадывался к жожаку и, думая, что тот не видит его, больно кусал в брюхо, а затем принимался ластиться. Чабдар мягко отталкивал шалуна и отходил в сторону. Другим он такой вольности не прощал.

...Опередив звук своих копыт, на равнину неожиданно вылетел серый, с небольшими подпалинами, конь. Маленькая, узкая, изящная, точно у змеи, голова гордо покоилась на длинной гибкой шее. Шерсть на груди и брюхе от долгой скачки покрылась потом и, выделяясь на светлом, темнела расплывшимися пятнами. Завидев Чабдара, Серый резко остановился. Земля вокруг его копыт взбрызнула вверх не меньше, чем на полметра, - так резок и силен был его удар. Поводя дерзкими глазами, он раздумывал: сразу ему ринуться к косяку или схватиться с жожаком?

Чабдар инстинктивно оглянулся. Прежде, чем вступить в бой с чужаком, он должен быть уверен, что в табуне все в порядке. Несколько кобылиц, встревоженные появлением Серого, подозвали жеребят и теперь жались к материнскому брюху, тыкались лбами им в пах. Чего испугались эти глупые кобылы? Никогда еще не выказывали

вожаку такого недоверия! Хорошо, что остальные пасутся как ни в чем не бывало. Или только делают вид, а сами тревожным взглядом выискивают свое потомство?.. Это взбесило Чабдара. Он резко повернулся и встретил злобный взгляд прищельца. Мускулы его большого сильного тела напряглись в предчувствии боя. Подобрался и Серый. Тонкие, нервные, такие же как и у Чабдара, уши его запрядали, будто кончики ножиц, стригущих воздух.

Когда же оба сжавшись, стремительно полетели навстречу друг другу, кобылы бросили пастись и сгрудились в одну кучу. Страх не было в их глазах. Они привыкли к подобным стычкам. На этот раз ими руководило простое любопытство: чем завершится яростный поединок двух равных по своим силам противников?

Двое же, взвившись на дыбы, принялись со злостью кусаться и лягаться. При каждом столкновении головы их издавали такой стук, словно вот-вот расколятся. Трава, до недавнего времени зеленевшая нежной дымкой, была вытоптана, раздавлена. Жеребята теснее жались к матерям, в их жизни такое было впервые.

Вдруг Серый опрометью бросился прочь. В пылу схватки Чабдар кинулся его преследовать, но тот летел, как стрела, и достать его не удалось.

Было непонятным неожиданное решение Серого, ведь был он не слабее Чабдара, а может и наоборот. Был он чуть постарше, находился, что называется, в самой поре. И вдруг...

Чабдар возвращался недовольный и исходом битвы, и собой. Походя, лягнул зазевавшуюся двухлетку. Табун присмирел.

Вскоре все вошло в свою колею. Восхищение и почтительный трепет, который чувствовал Чабдар, проходя сквозь табун, успокоили его. Он вновь был предводителем!

Взлетев на холм, власно, по-хозяйски оглядел он

рассыпавшихся по склону кобылиц, жеребят, резвившихся на своих длинных, ломающихся еще ножках, и застыл на вершине, как изваяние, знаменующее силу и власть.

II

Спокойствие Чабдара длилось недолго. Он еще не успел забыть о Сером, как тот снова появился у края долины и принялся спокойно пастись, изредка косясь на табун и нервничающего Чабдара.

Серый держался на расстоянии. Чабдар решил выждать, что же предпримет пришелец, но самообладание покинуло его, и он попытался приблизиться. Не подпуская вожака близко, тот кинулся бежать. Если бы мог, Чабдар расхохотался бы от такого поведения. Никогда еще ему не приходилось сталкиваться со столь явной трусостью! Предыдущие соперники не отступали, а мерились с ним силой, - и один раз, и второй. Бой велся по принципу: кто кого? И большинство, признав несомненное его превосходство, пускались наутек. Больше о них не видел. Встречались и такие, что, заслышав его грозный храп, тут же сдавали позиции и уклонялись от схватки. Лишь первый его бой можно назвать настоящим. Тогда еще находились в окружении такие, которые пытались оспорить его превосходство. Тот, первый, так и остался навсегда искалеченным. Больше из табуна никто не выделялся. Дальше приходили только чужаки. Как бы там ни было, схватки велись по всем правилам, и побеждал он потому, что был сильнее. Но как оценить поведение Серого? Убегает, в бой не вступает. И все-таки приходит опять и опять!.. Пожалуй, то была не трусость, а мудрость. Довести неприятеля до бешенства, а затем воспользоваться, когда он потеряет над собой контроль. Но Чабдар, к сожалению, не мог сделать этого вывода. Он лишь чувствовал, что на сей раз перед ним соперник достойный.

Тем более ему не терпелось скорее схватиться с ним.

III

Туча весь вечер и всю ночь висевшая над Бадхызом и, набухшая до предела, наконец, пролилась через край. Грохот грозы, секущие струи дождя, ударявшие о землю, создавали иллюзию скачущего косяка лошадей. Вот он затих, переводя дыхание и нервно переступая сотнями копыт, но вот сорвался с места и - галопом по долине, по холмам, по солончикам...

Рассвет земля встретила живительной свежестью и пронзительной синевой, исходящей от умытой зелени. Капельки дождевой пыли, повисшие на травинках, сверкали, переливались, как россыпь драгоценных камней, брошенных на зеленый ковер. Укрывшиеся от непогоды букашки вновь карабкались по стеблям и листьям, радуясь солнечному теплу.

Когда в очередной раз появился Серый, табун почти забыл о нем и мирно, во главе с Чабдаром, пощипывал поднявшуюся после дождя в рост траву. Кобылы разбрелись по всей долине, жеребята носились от одной группы лошадей к другой. Наиболее смелые забегали даже на солончаки. Своей резвостью они напоминали стремительно и беспорядочно взмывающих тут и там ласточек.

Почувяв намерение Серого, Чабдар торжествующе заржал и ринулся по склону вниз...

Они стремились навстречу друг другу, как по предначертанию рока. Если бы сейчас разверзлась земля, это бы их не остановило. Так велико было желание обоих разрешить наконец-то этот спор.

Храп, тяжелое дыхание, удары копыт о землю и оба противника на время отодвинули в сторону тишину. Двое схлестнулись в поединке не только на виду у холмов, но и у настороженного табуна. Это была извечная борьба за лидерство, за право повелевать.

Казалось Чабдар вот-вот накажет пришельца за наглость, но тот каждый раз отбивал атаку, каким-то образом избегая копыт жоака. И здесь он применял свою тактику уклонения. Отскакивал в сторону, затем, переждав и вызвав тем самым ярость Чабдара, снова кидался в бой.

В очередном столкновении Серый сильным ударом головы выбил из ноздрей Чабдара струйку алой крови. Ударяясь о землю, капли сливались с морем тюльпанов, устилавших окресные холмы. Бой продолжался, тюльпанное море наполнилось, а Чабдар, тем временем, слабел. Он дрожал всем телом. Впервые в жизни ноги не повиновались ему. Неужели так страшен был этот удар Серого? Нет, рано еще сдаваться! Собрав все силы, Чабдар двинулся на соперника. Но что-то неуверенное было в его движении, сломленное. И поняв это, и обрадовавшись близкой победе, Серый с новой яростью кинулся вперед. Его удар со всего маху в грудь, потряс Чабдара. Несколько секунд лежал он на земле, не двигаясь, лишь судорожно вздрагивая боками.

Старая кобылица, стоявшая впереди табуна, казалось, сейчас заговорит, – так выразительны были ее глаза. Да, она знала его молодым и сильным, она была свидетельницей его многочисленных триумфов. Да, он ей нравился. Он был настоящим жоаком, но сейчас...

Это был его конец. Растоптано достоинство. Не может он больше предводительствовать табуном... Пренебрежительные взгляды молодых маток, влажный блеск глаз жалеющей его старой лошади, любопытствующие взоры жеребят подняли и поставили Чабдара на ноги. А ноги предательски дрожали. И все же у него достало сил повернуться и поскакать прочь. Серый вошел в табун. В сторону Чабдара никто не смотрел. И лишь гнедой жеребенок, любивший поиграть с жоаком, кинулся за ним вслед. Сухие щетинки прошлогоднего

травостоя кололи его нежное брюшко. Он вскидывался и прыгал дальше.

Когда, раздувая от быстрого хода тонкие розовые ноздри, он взбежал на вершину холма, то его глазам предстала неожиданная картина: Чабдар, не владея больше своим телом, катился вниз по крутому, почти отвесному склону.

Жеребенок содрогнулся и в ужасе попятился. Потом как бы оценивая ситуацию, посмотрел на табун, потом на темнеющее внизу бездыханное тело, и заржал.

Светило солнце. Разделившись, как всегда на группки, щипал свежую траву табун. И тревожно несло над равниной, над холмами и солончаком жалобно-тоскливое ржание гнедого жеребенка.

Жеребенок плакал...